

Картины маслом

Каждую работу художник Андрей Елецкий начинает не с первой краски, а... со священнодействия с полотном

Лия ГИНЦЕЛЬ

Признаюсь, меня предупреждали: экстрасверт, можешь даже вопросов не задавать, сам всё расскажет. Он и начал с того, что искусство для художника — шаг из вечности в быденную жизнь. А для зрителя — наоборот: из быденной жизни в вечность. То ли парадокс, то ли мудрость великая. То ли не менее великая самоуверенность. Хотя и слово «художник» имеет здесь, как я понимаю, широкое трактование. Ведь Андрей Елецкий столько же художник, сколько и музыкант. Причём в музыку погружён с детства, а живописью занялся в 37-летнем возрасте. Зато преуспел. Член Творческого союза художников, Елецкий стал обладателем почётного диплома «За выдающийся вклад в современное русское искусство». А работы его выставляются в музеях, галереях, частных коллекциях 25 стран. Есть они и в Русском музее.

У Андрея Елецкого есть поклонники и среди меломанов, и среди любителей художественного творчества. И большинство из них требует, чтоб он сделал наконец свой выбор. Пока не выходит, ведь картины он обычно пишет под музыку. Чтоб душа пела. И получается, в результате, музыкальная живопись. Получается импровизация, блестяще сыгранная композиция. Композиция, вовсе не обдуманная заранее. Потому что не художник пишет. Это Бог водит его рукой

— Ну да, меня часто ругают, что веду себя как ребёнок. Навивно. Советуют хитрить. А когда пытаются объяснить, что вранье тут же отразится на результатах творчества, отступают: «Нет-нет, тогда не надо!» В жизни всё немного странно и не обязательно справедливо. Вот Вильяма знают все. А Альбинони Томазо — единицы. С моей точки зрения, второй куда круче. Какая-нибудь Глюкоза у нас имеет больше поклонников, чем художник Брусиловский. Когда Лиза в соприкосновении своего коллеги музыканта-импровизатора Гильёна Матте впервые приехала в Россию, аристократические барышни в полном неведении твердили, что он «портит галерею». На самом деле, девушке просто никогда не слышали импровизации. Если балерина до двадцати лет прожила в деревне и занималась в клубе, она уже не выйдет на сцену Большого театра. И блестящим музыкантом ни с того ни с сего в зрелом возрасте не ставишь. Для художника же и писателя возрастных ограничений нет. Мы счастливей.

— А начинали как музыкант. Консерваторию закончили. В детстве вас заставляли музыкой заниматься?

— Ой, били даже. Это просто трагедия была. Я отлынивал, как мог. Папа у нас — почётный гражданин Ревды. Баянист, лауреат конкурсов. Учебники писал. Это его идея была из меня, сестры и племянника создать ансамбль. Вместе у нас получился квартет. И как папуасы мы постоянно оказывались в центре внимания. А что... Бизе играли, Чайковского, скрипичного Сарасате... Даже Баха пытались. Представляете, выходили на сцену детки, выносили специальные подставки... Но беда ведь: вроде вундеркинды, но совсем даже не вундеркинды. Хорошо выученные медвежата. Техника отработана, пальчики бегают быстро. А душа молчит. Не могли мы прочувствовать то, что играли, хотя бы в силу возрастных особенностей. Историю про Эльзу Фицджеральд знаете? Девочку, берущую пять октав, захотел послушать великий Тосканини. А она пять при нём отказалась. Умненькая, сразу поняла — пять про любовь, любви не испытываю, люблю.

— Про вас говорят — «человек-оркестр». Играете на всех музыкальных инструментах. А есть любимый?

— На самом деле, играю, но не на всех. На саксофоне пытался научиться. Даже уроки брал. Но, понимаете, там надо сначала нажать все клавиши, а потом, дунув, часть отпустить. По такому принципу любая дудочка устроена. А на фортепиано, на баяне всё наоборот. Очень трудно перестроиться.

Хотя из синтезатора я умею извлекать звуки не хуже саксофонных. Так что иллюзия полная. Любимый же инструмент — виолончель.

— Чего вам не хватало в музыке, что занялись живописью?

— Мою биографию, конечно, слегка прилизали. А небезгрешен. Пил сильно. Казалось: выпью и заиграю. Так заиграю, что все ахнут. Допился до того, что стакан уже поднять не могу — руки тряслись. На самое дно опустился. Но это образ был участника рок-группы — вино, свитер, длинные волосы... Хорошо, что в какой-то момент понял: всё, дальше нельзя. Сам пришёл в ЛТП (помните, были такие лечебно-профилактические учреждения, где лечили от пьянства). Принимали, правда, не хотели. Преступлений-то не совершал, а надо было хоть стукнуть кого-нибудь, что ли, для чистоты жанра. Потом выяснили, что играю на баяне. Смиловались — взяли. Через месяц дали ключи от спортзала, чтоб заниматься мог. А я уже рисовал к тому времени немножко. В общем, когда выписался, заглянул к батюшке знакомому — что дальше-то делать? И картины показал. А он мне в ответ: «Был недавно в Москве, на Крымском валу, там художники выставляются. Так вот, у тебя в тысячу раз лучше». Я собрался и махнул в Москву. Попутчиком же в поезд рассказал, что обязательно стану великим художником.

— И что Москва?

— Вы же понимаете, меня там ждали... (улыбается). Увидел объявление — требуют посудомойщицы в ресторан «Прага». «Прага» так «Прага». Устроили. Общезитие да. Руки, естественно, в волдырях, но ничего. А потом один меценат услышал случайно мой разговор с поваром-узбеком о живописи. «Ты, — спросил он меня, — кто?» И через месяц уже организовал мою выставку. Я, вообще-то, из тех, кому здорово везёт. Даже теорию придумал. Вот есть люди — работают, работают, но успеха не добиваются. Есть другие — не слишком трудолюбивые, но везунчики. Есть третьи — и работают, и всё у них складывается. Главное — оказаться в нужное время в нужном месте. Мне многое приходит легко. Но легко и уходит. Такая игра. Ощущения крутизны нет. Художники нужны все — фартовые, нефартовые. Места хватят каждому.

— А до Москвы выставками были?

— В Ревде. Я там на полу ГПТУ раскладывал холст размером два метра на три, разливал краски, бросал палки, поджигал их. Так, методик не знал, фантазировал... Впрочем, вместо холста использовалась мешковина. Про специальный грунт я тогда по-

нятия не имел. Грунтовал зубной пастой. Что-то, наверное, получалось, потому что в конце концов во Дворце культуры открылась моя выставка.

— А я слышала, что один человек купил тогда все ваши работы, штук шестьдесят. Это что за история?

— Представляете, я ещё не знал, что живописью можно зарабатывать. Занимался этим совсем не ради денег. А тут зашёл на выставку человек. Такой... в чёрной шляпе, с длинным красным шарфом. Сказал, что всё покупает. А ещё — просто мистика — рядом с моими работами всё вокруг выглядит серым. Мои картины словно убивают цветом. Приходишь даже выслушивать обвинения: дескать, пользуюсь специальными красками и технологиями. На самом деле, ничего подобного. Видимо, прав Брусиловский, заметивший однажды: Елецкий любит краски, а краски любит Елецкого.

— А какими красками вы пользуетесь?

— Обычными детскими. Но бывает, что и дорогие приходится покупать. Сочные импортные. Иной раз на них уходит больше денег, чем потом дадут за картину. Но... что делать? Охота пуще неволи. Выбирать, где что требуется, научился с опытом. И какие-то секреты есть. Не могут не быть. Художник берёт холст и приступает к работе. А я этот холст почему-то глажу левой рукой минут пятнадцать. Почему? Даже объяснить не могу, будто любовь, согреть своим теплом. Узнал, кстати, что Шагал тоже так начинал. И даже не пятнадцать минут тратил на священнодействие, а целый час. А ещё я использую необычные сочетания цветов — розовый с серым, голубой с ярко-жёлтым. Тем самым нарушаю каноны. Зато даже мрачноватые уральские пейзажи получаются у меня тёплыми. Южными. Ну и, раз уж начал раскрывать тайны, однажды поглаживаниями нагрел холст до 41 градуса.

— У вас есть и пейзажи, и портреты, и натюрморты, и жанровые сценки. А сами вы что предпочитаете?

— Ну как ответить? Я, к примеру, музыкантом себя не считаю. Просто вхожу в форму и начинаю импровизировать. Играю кого-то. В живописи происходит нечто подобное. Знаю, может быть, разглядит в моих работах Пикассо, Модильяни, Шагал, других художников, но у них таких сюжетов нет. Это моё. И мазок всегда мой. А дальше тоже, как в музыке. Могу блестяще сыграть какую-то композицию. Но повторить уже не получится. Личь, однако, себя надеждой, что я узнаваю. И хотя написал семь тысяч картин, лучше, полагаю, пока впереди. А рисовать предпочитают море, воду, лодки на воде... Говорят, это получается особенно хорошо.

Вот оно, море, вот они, лодки, вот он, «Тихий залив» Елецкого. Живопись нежная

— Свои выставки вы открываете под музыку?

— Раз в месяц провожу «Елецкий-экшен». Выхожу в фартуке под музыку, а главное — на глазах публики за две минуты рисую картину. Если честно, это, естественно, обыкновенный цирковой номер. Трюк. Но публике нравится. А мне нравится придумывать истории к своим работам. Рассказывать эти истории. Люди проникаются, влюбляются в картину. Но откуда и что в работе берётся, не знаю. Это, пожалуй, главная загадка творчества. А ещё — просто мистика — рядом с моими работами всё вокруг выглядит серым. Мои картины словно убивают цветом. Приходишь даже выслушивать обвинения: дескать, пользуюсь специальными красками и технологиями. На самом деле, ничего подобного. Видимо, прав Брусиловский, заметивший однажды: Елецкий любит краски, а краски любит Елецкого.

— В истории Руси имеется воевода, князь из рода Рюриковичей, полный ваш тезка, те же имя и фамилия. Отношение к вам имеет?

— Глупо было бы не воспользоваться таким совпадением. Так что в дворянском собрании состою. Но вряд ли я потомок. Полностью моя фамилия звучит так — Елецкий-Черниговский-Успенский. У предков было даже право на русский престол, потом утраченное. Род наш угасший. Сохранился лишь по женской линии. Но дед был героем Первой мировой войны. Бабушка всю жизнь преданно хранила его золотой погон. Я их, деда и бабушку, помню. Достойные люди.

— Чем вас привлекают библейские сюжеты?

— У меня их тысячи. Люблю читать религиозные книги. При советской власти старался не пропускать службы в храме. Старые разрушенные церкви люблю — ну, такие, поросшие берёзками. Тяготею к этой теме. Так бывает. Вот целый год после смерти дочери рисовал только похороны. Потом немного отболело, и опять пошла светлая живопись. Жизнь-то продолжается. Да и заигрывать с этими силами нельзя — плохо закончится. Секрет в том, что не мы смотрим в картину — картина смотрит в нас. А через Библию идёт познание.

Потом человек, его приобретший, жаловался — голова болит, если долго смотреть.

— Я вам тоже открою тайну. Говорят, вы фантазёр и мистификатор. Никогда не знаешь в разговоре, где заканчивается правда и начинается вымысел.

— Признаться, пользовался подобными приёмами в общении с женским полом. Был, положила руку на сердце, профессиональным бабником. Если женщина очень хороша собой, старался сказать ей какую-нибудь гадость. И наоборот. Заводит, между прочим. Хоть и не особенно красиво. Но я даю людям то, что им надо. Ведь в большинстве своём мы желаем обманываться. И быть обманутыми.

— В истории Руси имеется воевода, князь из рода Рюриковичей, полный ваш тезка, те же имя и фамилия. Отношение к вам имеет?

— Глупо было бы не воспользоваться таким совпадением. Так что в дворянском собрании состою. Но вряд ли я потомок. Полностью моя фамилия звучит так — Елецкий-Черниговский-Успенский. У предков было даже право на русский престол, потом утраченное. Род наш угасший. Сохранился лишь по женской линии. Но дед был героем Первой мировой войны. Бабушка всю жизнь преданно хранила его золотой погон. Я их, деда и бабушку, помню. Достойные люди.

— Чем вас привлекают библейские сюжеты?

— У меня их тысячи. Люблю читать религиозные книги. При советской власти старался не пропускать службы в храме. Старые разрушенные церкви люблю — ну, такие, поросшие берёзками. Тяготею к этой теме. Так бывает. Вот целый год после смерти дочери рисовал только похороны. Потом немного отболело, и опять пошла светлая живопись. Жизнь-то продолжается. Да и заигрывать с этими силами нельзя — плохо закончится. Секрет в том, что не мы смотрим в картину — картина смотрит в нас. А через Библию идёт познание.

Вряд ли нас ждёт последующая жизнь. Но вести себя надо так, будто у тебя умер ребёнок. Это не я, Лев Толстой сказал. Нельзя у Бога ничего просить. Его надо познать. В человеке всегда сколько хорошего, столько и плохого. В сложном человеке и того, и другого много. В моей «Гибели империи» над Христом издеваются морячки с «Авроры». Тяжкий крест Спасителя на фоне рушащегося мира. Сколько священников потом загубили. Думаете, талант — это счастье? Это проклятие. А Иисус был по-настоящему талантливым.

— Царская семья и Матильда Кшесинская, Путин на мотоцикле... Любите похулиганить в творчестве?

— Не только в творчестве. Мою жизнь часто сопровождают скандалы. Не то чтобы задуманные, нет. Как-то само собой получается. Приехали вот спонсоры из Нидерландов выставку у нас устраивают. Пятьдесят тысяч рублей с человека потребовали за участие. Народ согласился. Елецкого лишь, сказали, не надо. Не надо и не надо. Эти спонсоры ко мне сами пришли. Посмотрели и попросили картины в экспозицию. Я не стал возражать, но, смеясь ради, поставил условие, чтоб заплатили. Что вы думаете? Все платили, чтобы участвовать, а мне за то же самое ещё денег дали.

— Со спиртным как сегодня складывается?

— Совсем не пью. Да и времени на это нет. Ухожу в мастерскую на часок, а пропадаю там целый день. Рисую под музыку. Без музыки не родился ни одной картины. И не надо думать, что хорошую работу следует заранее представить, облудить, вычислить. Бессмысленно. Не ты пишешь. Бог водит твоей рукой. Творчество — сон. Состояние между сном и бодрствованием. Это сильное любого алкоголя или наркотика. Беда в том, что может спасти, а может погубить. Всё зависит от того, как пользоваться. Огонь в камине — красиво. Пожар — страшно...

— Думаете, талант — это счастье? Это проклятие?

— В автомобиле вы скорее пассажир или водитель?

— За жизнь я машин десять, наверное, сменил. В том числе и очень классные были, с колонками, с музыкой... Но сам никогда не водил. Это на жене. Она и водит, и гвозди забивает, и компьютерные проблемы в её ведении.

— Когда себя лучше чувствуете, зимой или летом?

— Самое лучшее время года — осень. Как сейчас. Вся природа замирает в предчувствии зимы. Задержавшиеся листочки дрожат. Воздух чистый. Всякую осень люблю — раннюю, позднюю. Осенью я и пить бросил (смеётся).

— Если бы пришлось выбирать между живописью и музыкой, что бы вы делали?

— Представляете, что думаю? Брошу всё и стану обывателем. И так двадцать лет. Затратно. Да и странно звать молодого художником, когда тебе уже шестьдесят. Но продолжай работать. Геройски, между прочим, писать до сотни картин в месяц. И моё творчество нравится людям. Детям, взрослым. Богатым и бедным тоже. Но кто-то его не принимает. Что ж, лишь бы не смотрели сквозь работы пустыми глазами. Художника легко обидеть. Художника может обидеть каждый. Проще всего ранить словом. Но хуже равнодушия нет ничего. Поверьте.

Год 1976-й. На сцене - ансамбль баянистов из Ревды: Надя, Андрей, Виктор и Василий Андреевич Елецкие

Блиц-опрос

— Любите шумные компании или уединение предпочтительней?

— Раньше точно нравилось быть среди людей. Сейчас большие компании для меня редкость. И хотел бы, да как-то не очень складывается.

— Где себя лучше чувствуете, дома или за его пределами?

— В жизни ни одной берёзки не нарисовал. В храм католический захожу — кажется, всегда там был. Про Фонтен-де-Воклюс уже сказал. Хотел бы там дни коротать. Но тут опять же вырос, корни...

— Когда отправляетесь в путешествие, куда стремитесь? К морю? В горы?

— Знаете, стараюсь выбрать место, где есть огромная гора, сосны, а у подножия плещется море. Без гор для меня моря не бывает.

— Между детективом и классическим романом что выберете?

— А я в основном только письма читаю. Везде всё наврано, только в письмах правда. Хотя «Воскресение» Толстого перечитываю бесконечно. И философскую литературу люблю.

«Думаете, талант — это счастье? Это проклятие»

— В автомобиле вы скорее пассажир или водитель?

— За жизнь я машин десять, наверное, сменил. В том числе и очень классные были, с колонками, с музыкой... Но сам никогда не водил. Это на жене. Она и водит, и гвозди забивает, и компьютерные проблемы в её ведении.

— Когда себя лучше чувствуете, зимой или летом?

— Самое лучшее время года — осень. Как сейчас. Вся природа замирает в предчувствии зимы. Задержавшиеся листочки дрожат. Воздух чистый. Всякую осень люблю — раннюю, позднюю. Осенью я и пить бросил (смеётся).

— Если бы пришлось выбирать между живописью и музыкой, что бы вы делали?

— Представляете, что думаю? Брошу всё и стану обывателем. И так двадцать лет. Затратно. Да и странно звать молодого художником, когда тебе уже шестьдесят. Но продолжай работать. Геройски, между прочим, писать до сотни картин в месяц. И моё творчество нравится людям. Детям, взрослым. Богатым и бедным тоже. Но кто-то его не принимает. Что ж, лишь бы не смотрели сквозь работы пустыми глазами. Художника легко обидеть. Художника может обидеть каждый. Проще всего ранить словом. Но хуже равнодушия нет ничего. Поверьте.

И живопись философская - «Автопортрет в образе быка». Быка, между прочим, весьма печального

